

чаявшаяся женщина изображена как мимолетное видение фантазии поэта: «враждебный» ветер надувает ее одежду, когда, сложив молитвенно руки, она обращается с мольбой к небу. Позади ее стоит воин с резко очерченным профилем, по-видимому, брат Игоря, Всеволод, который представлен тут не как испытанный герой сражений, а как угрюмый человек с задумчивым лицом, недовольный происходящими распрями между братьями, влекущими за собой поражение и бедствие. Кроме них, видны еще две фигуры, но мы не в состоянии идентифицировать их с действующими лицами эпоса. Их изображением Зичи как бы предрекает трагический исход событий, показывая плененного воина с завязанными сзади руками, ведающего торжествующим победителем.

Хотя и намеками, но все же довольно прозрачно художник указывает на трагический исход похода при помощи символов, расположенных в декоративном обрамлении, охватывающем нижнюю часть рисунка. По середине лежит вдавленный щит Игоря с трещиной, покрытый цепью как символом поражения. Вправо от него виден разбитый меч, а влево — бердыш, над которым летает зловеющая птица, предположительно заместительница Дива.

Плетям обрамления не следует приписывать никакого символического значения. В них отражается влияние К. П. Брюллова, который при создании портрета Крылова нарисовал подобное же обрамление, разместив в нем характерные сцены его басен.

Вторая иллюстрация, расположенная после введения Гебеля перед началом первой песни, уже органически связана с текстом поэмы. В ней соединены два момента эпоса. Один из них указывает на князя Игоря, возглавляющего русские войска, а другой — на появление знамений, предвещающих несчастье: затемнение солнца и группу встревоженных птиц. При отходе в поход «Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою, вся своя воя прикрыты. И рече Игорьъ къ дружинѣ своей: „Братие и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полочену быти, а всядем, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону“». ⁴ Сказав это, он занял место во главе своей дружины, затем же «въступи... въ златъ стремя, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему грозою, птичь убуди...». ⁵

На второй иллюстрации Зичи изобразил Игоря, едущего по чистому полю, но вместе с тем стремился разрешить и более трудно выразимую проблему: показать дружину со спустившейся на нее мглой от затемнения солнца. Разрешение проблемы то же самое, как и в первой иллюстрации: фон рисунка темный. На заднем плане едут воины Игоря, изображенные расплывчатыми очертаниями. Над ними фон образует разорванные облака, среди которых виден диск потемневшего солнца. На первом плане испуганный конный дружинник подскакивает к Игорю и, показывая на затмившееся солнце и на каркающих воронов, обращает его внимание на эти дурные предзнаменования. Но Игорь непоколебимо сидит в своем седле, с пренебрежением относясь к его словам. На предупреждение он молча, решительно указывает рукой вперед. Он сидит на своем вороном коне с благородной осанкой, одетый в панцирь с наброшенной поверх мантией, обшитой горностаем, держа в левой руке щит. При изображении панциря, шлема, щита и вооружения художник стремился по возможности подражать тогдашним военным доспехам и только при разработке рисунка мантии позволил разыгаться своей фантазии. Портрет Игоря во

⁴ «Слово о полку Игореве», стр. 10.

⁵ Там же, стр. 12.